

А.И. Эртель

Самарская деревня

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.И. Эртель**
Самарская деревня / А.И. Эртель – М.: Книга по Требованию, 2021. – 37 с.

ISBN 978-5-458-09761-1

(Фотография)
Рассказ о селе Хилково Самарского уезда.

ISBN 978-5-458-09761-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сильно и часто. Воровства между ними очень мало. Сифились распространенъ не особенно.

Кстати, насчетъ школы. Одинъ изъ піонеровъ, о которыхъ всколзь упомянулъ я, предложилъ имъ выстроить на его, піонеровъ, счетъ школу, снабдить ее учебными пособіями, нанять учителя; все это съ тѣмъ, чтобы они сами съѣздили за лѣсомъ для этой школы въ Самару и затѣмъ дали бы для нея мѣсто. Это предложеніе было повторено, когда однажды къ піонеру пришла цѣлая толпа хилковскихъ мужиковъ, попросить корму для овецъ.

— Ну, что же, какъ насчетъ школы?..—Спросилъ піонеръ, пербивая оживленный разговоръ объ овцахъ.

Внезапно настало молчаніе. Наконецъ, одинъ сказалъ:

— Это вѣдь какъ... Оно точно, отчего не привезть лѣса. Только вѣдь, что же мы одни то... Собраться бы... Со всего прихода ежели собраться... А то отчего не уважить—уважить можно.

Другіе хоромъ подхватили, что дѣйствительно „можно уважить“.

— Да вы поймите—горячился піонеръ—какой случай у васъ: вамъ вѣдь *даромъ* все предлагаютъ: и выстроить, и учителя нанять, и книжки покупать, только и дѣловъ вамъ, что на своихъ лошадяхъ лѣсу привезть...

— Это точно—вяло согласились мужики,—случай оно точно что...—и вдругъ совершенно неожиданно одинъ заявилъ: такъ какъ же насчетъ овецъ то? Ты ужъ сдѣлай милость, Матвѣй Николаичъ!..—И толпа съ величайшей живостью подхватила это заявленіе и дружно запросила: сдѣлай ужъ милость, Матвѣй Николаичъ, уважь насъ!

Такъ школа и отступила на задній планъ.

А между тѣмъ неизбѣжно приходишь къ тому, что единственное свѣтлое пятно впереди, это — школа. Это почти единственный рецептъ, сила котораго вѣ сомнѣніи... Я, конечно, говорю о настоящей, о „въ-самдѣлшншй“ школѣ, школѣ въ сопутствіи бібліотеки, вечернихъ чтеній, воскресныхъ классовъ,—школѣ не сопровождаемой непремѣнными прокурорами и сыщиками и вносящей въ деревню не одно только механическое познаніе азовъ, а идеи добра, справедливости, которымъ, ей-Богу же, нужно заглянуть въ нашу деревню.

Къ этимъ идеямъ, которыя явно оскудѣваютъ въ деревенской средѣ (да проститъ мнѣ Н. Н. Златовратскій эту ересь!) и ну-

ждаются въ *развитіи*, необходимо еще прибавить идею *поэтической красоты*, важность которой просто неизмѣрима. Дѣло въ томъ, что, по моему мнѣнію, эта послѣдняя идея, если еще сохранилась въ деревнѣ, то, опять-таки, сильно нуждается въ обновленіи, въ притокѣ вѣшнихъ силъ, свѣжихъ и вліятельныхъ. Она сохранилась, но застыла и съ давнихъ временъ пребываетъ въ состояніи *in statu quo* или даже подтачивается новыми „трактирными“ вѣяніями. Ниже я привожу длинный рядъ пѣсенъ, изъ которыхъ и это „подтачиваніе“, и это мало утѣшительное *status quo* видны воочію.

Вотъ нѣсколько пѣсенъ „историческаго“ характера, записанныхъ въ Хилковѣ:

1.

По улицѣ Суздальской, тамъ живетъ ли проживаетъ
Балахонцевъ князь съ молодой княгиней.
Молода его княгиня, жила съ вѣрнымъ Ключничкомъ.
Князь дознался, догадался, чрезъ дѣвчонку горничну,
Её шельму фрельную...
Выходилъ же Балахонцевъ князь на свой красенъ крылець,
Онъ воскликнулъ, онъ возгаркнулъ громкимъ голосомъ
своимъ:

„Вы слуги вѣрные мои, вы подите приведите
Мнѣ Ванюшу Ключничка“...—
— Ты скажи-ка, воръ Ванюшка, воровскій ты, шельмецъ, сынъ,
Ты скажи-ка давно ли, давно съ княгиней молодой живешь?
— Я знать того не знаю, вѣдать не вѣдаю...
Про то знаетъ ли не знаетъ мать каменна Москва...
— Сдѣлайте ли, сдѣлайте ему посередь двора
Столбики точеные, рѣлики шелковыя...
Вели, вели Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ на Ванюшѣ рубашка бѣлѣется, а личико румянѣется.
Ванюшка денекъ висѣлъ, другой висѣлъ,
А на третій потягаться сталь.
Молода его княгиня приставляться стала:
— Вы подите, слуги вѣрные, снимите Ванюшу Ключника...

2.

Платовъ казакъ былъ,
Свою бороду обрилъ.

Онъ и воинъ былъ,
Хорошо царю служилъ,
За то царь его любилъ,
Въ свою одежду нарядилъ.
Въ свою одѣжу нарядилъ,
Къ Францу въ гости проводилъ.
Ево Франца не узналъ,
За купца его прималъ.
Графинь водки наливалъ,
На подносѣ подносилъ.
У француза была дочь Орина,
Съ купцомъ рѣчи говорила:
Ты ужъ купчикъ, ты купецъ,
Удалой ты молодецъ,
Покажи ка свой патреть—
Схожъ на Платова казака...
А купецъ ей отвѣчалъ:
У Платова казака
Не обрита борода.
А у меня видишь какá...
Ей словечушко сказалъ,
Самъ изъ горенки бѣжалъ,
Выбѣгалъ онъ на крыльцо,
Громкимъ голосомъ кричалъ:
Вы слуги ль, мои слуги,
Слуги вѣрные мои,
Все донскіе казаки,
Подавайте поскорѣй
Мово ворона коня...
На коня Платовъ садился,
Ровно соколъ онъ взвился,
Къ окошечку подѣзжалъ,
Насмѣшечку насмѣялъ —
Три словечушка сказалъ:
— Ты ворона, ты ворона,
Загуменная корга,
Не умѣла ты, ворона,
Ясна сокола держать...

Поминай теперь какъ звать!..
 — А французъ ему въ окошечко кричалъ:
 Еслибъ я тебя узналъ,
 Такъ съ живого-бъ шкуру снялъ!

3.

Не черныя воронцы вылетывали,
 Вылетали ядрушки персидскія,
 На того ли производителя
 На графа Паскевича...
 Не съ того ли графъ Паскевичъ
 Весьма приуѣхнулъся.
 Онъ воскликнулъ, онъ возгаркнулъ
 Громкимъ голосомъ своимъ:
 Ужъ вы братцы, мои братцы,
 Солдаты военные...
 Послужите, постарайтесь царю Бѣлому,
 Царю бѣлому Николаю первому...
 Они бились и рубились
 Трое сутокъ,
 Порубили, погубили
 Полковника самага,
 По немъ вся девизія, всѣ солдатушки
 Да и всѣ восплакнули,
 Онъ не князь былъ намъ, не князечекъ,
 Онъ былъ рѣднѣй отецъ.

4.

Очутился, проявился, здѣсь незнамый,—незнакомый, неиз-
 вѣстный человѣкъ,
 Здѣсь незнамый, незнакомый, неизвѣстно чей такой.
 Чисто, щепетко, по городу погуливаетъ,
 Онъ енотову шубенку за рукавъ еѣ тащить,
 Бѣлъ персидскій кушачекъ, во бѣлыхъ рукахъ несетъ
 Черна шляпа съ подлиманомъ (?) на русыихъ кудряхъ его.
 Увидали молодца губернаторъ изъ окна.
 Закричалъ тутъ губернаторъ громкимъ голосомъ своимъ:
 Вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои,

Вы подите, приведите удалого молодца...
 Они взяли, подхватили удалого молодца,
 Поставили молодца посередь губернаторскаго дворца,
 Сталь губернаторъ выспрашивать его:
 Чьего рода, чьего племени...

Отвѣчалъ имъ добрый молодець: Стеньки Разина я сынъ...

Изъ этихъ пѣсень ясно видна сила новѣйшихъ вѣяній, превратившихъ „воеводу“ въ „губернатора“ и одѣвшихъ Стенькина сына въ енотовую шубу. Эти же вѣянія, по всей вѣроятности, изгнали изъ памяти народной болѣе содержательныя и поэтическія пѣсни, а старую пѣсню о Ванькѣ Ключникѣ превратили въ нескладный и прозаическій пересказъ.

Болѣе посчастливилось пѣснямъ лирическаго характера и особенно свадебнымъ. Привожу нѣкоторыя.

1.

Что не ржавчинка у насъ въ болотѣ
 Всю травку съѣдаетъ,—
 Не кручинушка меня, добраго молодчика,
 Сокрушаетъ...
 Что сушить-крушить меня, добраго молодчика,
 Да все худа слава!
 Отъ худой-то я отъ славушки,
 Мальчикъ, погибаю.
 Знать погибла моя буйная головушка,
 Да все понапрасну...
 Что велятъ-то мнѣ, добру молодцу,
 Велятъ мнѣ жениться,
 Не на душѣ красной дѣвчончкѣ,
 На горькой вдовенкѣ...
 Ужъ ты горькая моя, разнесчастная вдова,
 Стели мнѣ постелю.
 Какъ постламши вдовонька постелюшку,
 Слезнехонько плачетъ...
 Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
 По миломъ дружочкѣ.
 Не шатайся, не качайся
 Въ полѣ, ковыль-травка—

Не тоскуй, не горюй по молодчику,
Красная дѣвка!

2.

Какъ за рѣченькой за Кубаночкой
Тамъ казакъ-атъ гуляль,
Онъ коней спасаль;
Вострой пашечкой
Огонекъ высѣкаль,
Суху травку рвалъ,
На огоникъ клалъ,
Пораскладывалъ.
Свои ранушки казакъ
Перевязывалъ.
Охъ, вы раны мои, вы тяжелыя,
Тяжелымъ-тяжелы,
Вы къ сердцу пришли—
Вы къ сердцу пришли
Кровью изошли.
Передъ смертью казакъ
Сталъ приказывать:
Ужъ ты конь, ты мой конь,
Развороненькій,
Поводочикъ твой разшелковый...
Ты бѣги-ка, мой конь,
По дороженькѣ вдоль;
Забѣги-ка, мой конь,
Къ отцу-матери въ домъ;
И встрѣтитъ тебя
Молодая жена,
Выспрашивать будетъ
Родна матушка:
— Ужъ ты конь, ты мой конь,
Развороненькій,
Ты скажи-ка, мой конь,
Гдѣ хозяинъ-то твой?
— Хозяинъ мой въ полѣ женится:

Онъ беретъ себѣ жену—

Пашку вострую...

А вотъ и свадьба нынѣ, въ которыхъ главнымъ образомъ сохранилась живучесть поэтического чувства...

1.

Когда „по рукамъ ударятъ“ за невесту, она „завопитъ“:

Охъ, не запродавай, родимый батюшка,
 Мою буйную головушку,
 Не запоручай, родима матушка,
 Мою русу косыньку...
 Отходила я съ любезными подружками
 По широкой уличкѣ...
 Ты не жди-ка меня, родной батюшка,
 Со любезными подружками
 Въ переднія воротички..
 Дожидай-ка меня, родная матушка,
 Со горячими слезьми
 Въ заднія воротички...

2.

Когда жениха провожаютъ съ вечера отъ невесты, поютъ:

Вьянули вѣтры по полю,
 Грянули веслы по морю,
 Топнули кони Никитины
 Топнули кони Иваныча...
 Съ кѣмъ-то мнѣ думушку думати
 Съ кѣмъ-то мнѣ крѣпку гадати?
 — Думати думушку съ роднымъ батюшкой,
 Гадати крѣпкую съ родной матушкой..
 — Эта мнѣ думушка не крѣпка;
 Думати мнѣ думушку съ Никитой,
 Гадати крѣпкую съ Иванычемъ,
 Эта мнѣ думушка крѣпче всѣхъ.

3.

Розань мой, розань,
 Виноградъ зеленый..

Какъ по мосту мосточку
 Ъхала карета,
 Во каретѣ той сидѣла горде́на,
 Плакала рыдала.
 Плакала рыдала
 Къ дубову ларю припала: ^{.....}
 Ужь ты ларь, ты мой ларь,
 Ты дубовый ларь,
 Не годъ я тебя копила,
 Не два сподобляла,
 Не недѣлю споручала...
 Не недѣлю споручала,
 Пришло время раздарила:
 Свекру атласу,
 Свекры гарнитуру,
 Деверьямъ по платочку,
 А сродничкамъ по порточкамъ.

4.

Я не знала не вѣдала,
 Ко мнѣ сваха приѣхала,
 Не горда и не спѣсивая...
 Потихонечку въ терѣмъ вошла,
 Низехонько кланялась,
 Чужу сторону выхваливала.
 Какъ чужая-то сторонущка—
 Виноградомъ поле сѣяно,
 Сытой поле поливано...
 Взговорила свѣтъ Аринушка душа:
 Ты не обманывай, обманщица,
 Чужая наговорщица,—
 Что чужая-то сторонущка
 Полынью горькой посѣяна,
 Она горемъ огорожена,
 Слезьми горькими поливана...

5.

Не разливайся ты, тихій Дунай,
 Не затопляй ты зеленые луга,

Во тѣхъ ли лугахъ гулялъ бѣлый *лень*,
 Бѣлый *лень*, золотые рога.
 Навстрѣчу *леню* добрый молодець идетъ,
 Иванушка государь идетъ...
 Самъ онъ на конѣ, что соколъ на рукѣ,
 Во правой рукѣ шелковая плеть;
 Хлыснулъ онъ *леня* плеточкою:
 Я тебя *лень* изъ ружья застрѣлю.
 Какъ взговорилъ ему бѣлый *лень*:
 Не бей не стрѣлай меня, добрый молодець,
 Въ нѣкоторое время я самъ пригожусь—
 Будешь жениться—на свадьбу прійду,
 Широко твой дворъ я коврами устелю,
 Высоко новъ теремъ я рогами освѣчу,
 Веселыхъ гостей я собой взвеселю,
 Больше я всѣхъ свѣтъ Аринушку душѣ
 Чтобы она не плакала,
 Свою маменьку бы не печалила...

6.

Когда женихъ идетъ за невѣстой къ вѣнцу.

Безъ вѣтру, безъ вихоря,
 Воротички отворилися,
 Дубовы столбы пошатнулись,—
 Князья баре соѣзжались.
 На передь-ать идетъ молодець
 Добрый молодець, Никитушка государь,
 На конѣ ѣдетъ что на вихорѣ,
 На сѣделицѣ черкасскимъ,
 А на войлочкѣ бухарскимъ...
 Какъ увидѣла его, ўзрела,
 Свѣтъ Аленушка изъ окошечка,
 Степановна изъ косящета.
 Заметалась, закидалася,
 Что изъ горницы, во горницу,
 Изъ свѣтелочки во новую,
 Къ краснымъ дѣвушкамъ за занавѣсочку:
 Сберегите меня, дѣвушки,

Ужъ вы спрячьте меня красныя,
 Вонъ онъ ѣдетъ раззоритель мой,
 Раззоритель, погубитель мой.
 Раззорить мою головушку,
 Расплететь онъ мою русу́ косу
 Всю дѣвичью красоту...

7.

Отлила Волга матушка
 Отъ крутыхъ береговъ.
 Отжила, отнѣжилась,
 Свѣтъ Аннушка у батюшки своего.
 Пошла съ висока терема,
 Пошла она горько заплакала;
 Унимаетъ ее батюшка,
 Уговариваетъ родна матушка:
 Воротися, мое дитятко,
 Воротися, мое милое:
 Позабыла свои златы ключи,
 Златы ключи во спаленкѣ,
 На угольномъ на столикѣ,
 На серебряной тарелочкѣ,
 На розовой на ленточкѣ...
 Отвѣчаетъ имъ свѣтъ Аннушка:
 Не одни ключи забыла я—
 Позабыла волю батюшкину,
 Волю батюшкину, нѣгу матушкину.

8.

Какъ на морѣ, на возморьицѣ
 Сизый селезень косицы вьетъ,
 Сѣра утка охорашиваетъ ево...
 Надъ ней уточки дивуются.
 Не дивуйтесь, сѣры уточки,
 Надъ моимъ надъ сизымъ селезнемъ...
 Какъ во теремѣ свѣтлицѣ
 Свѣтъ Андреюшка кудри вьетъ,
 Михайловичъ русы вьетъ.